

УДК 271.21+27-9

**К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОФИЛЕТИЗМА:  
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК. ЧАСТЬ I**

**Венедиктов В.Ю.**

На Святом и Великом Соборе-2016, состоявшемся на Крите, среди прочего была поднята проблема этнофилетизма. Отсутствующие делегации Русской, Грузинской, Болгарской и Антиохийской Православных Церквей на пленарном заседании были обвинены в этнофилетизме. Таким образом, ересь этнофилетизма, впервые провозглашенная на Константинопольском Соборе 1872 года, вновь стала актуальной. В настоящей статье мы исследуем два вопроса: каким образом и почему эта ересь появилась на свет и можно ли считать этнофилетизм ересью?

**Ключевые слова:** церковная история, схизма, греко-болгарский церковный конфликт, Константинопольский патриархат, Константинопольская патриархия, этнофилетизм, Святой и Великий Собор, Православие.

**ON THE PROBLEM OF ETHNOPHYLETISM:  
A HISTORICAL STUDY. PART I**

**Venediktov V.Y.**

The Holy and Great Council on Crete, 2016 has risen an important issue of Ethnophyletism. Russian, Georgian, Bulgarian, and Antiochian Orthodox Churches delegations were not present at the Great Council and were criticized for Ethnophyletism at the plenary session. The heresy of ethnophyletism was announced by the Council of Constantinople in 1872. Now we can see that it became essential nowadays. The article tells about the origin of this heresy and whether the Ethnophyletism may be decided to be the heresy.

**Keywords:** Church history, Schism, the Bulgarian Greek Church conflict, Constantinople Patriarchate, Constantinople Patriarchy, Ethnophyletism, the Holy and Great Council, Orthodoxy.

*История, этимология и определение термина*

История возникновения этнофилетизма связана с так называемой греко-болгарской церковной распрей второй половины XIX века [4, с. 304-375]. На Константинопольском Поместном Соборе 1872 года этнофилетизм был назван ересью. В ереси были обвинены болгары, обосновывавшие возможность автокефалии Болгарской Поместной Церкви лишь политико-этническими соображениями в обход территориальных и исторических предпосылок. Впоследствии многие церковные конфликты с ярко выраженной юрисдикционной составляющей напоминали греко-болгарскую распрю.

В наши дни также происходят юрисдикционные конфликты, например, в Греции между Элладской Православной Церковью и Константинопольским Патриархатом, столкновения между РПЦ и КПЦ по церковно-национальным и территориальным вопросам, возникающим в Эстонии и на Украине, конфликты между Иерусалимским и Антиохийским Патриархатами по вопросу юрисдикции православного прихода в Катаре.

Этнофилетизм – церковно-правовой термин греческого происхождения (ἔθνος – народ; φυλή – род, колено, племя). В западной историографии со времен А.Д. Тойнби встречается несколько схожий по смыслу концепт «трайбализма» (от англ. tribe – племя) с явной общественно-политической характеристикой: трайбализм – приверженность локальным, чаще всего этническим ценностям в противовес общечеловеческим [17, с. 22, 553]. С. Хантингтон считает трайбализм и глобализм – разнонаправленными тенденциями в современной мировой политике [19, с. 33]. Этимологически понятие «филетизм», которым в новогреческом языке обозначают «расизм» (ὁ φυλετισμός), восходит к древнегреческому «ἡ φυλή» (род, колено, племя, фила, образование из отдельных родов или колен). Человека, принадлежащего к той же филе, к тому же колону, роду, к той же общине (единоплеменника, родича, земляка) – называли φυλέτης [20, с. 800]. Трактовать «этнофилетизм», как «народолюбие», выводя термин из греческого глагола «φιλέω» представляется ошибочным [3, с. 51].

Сущность современного этнофилетизма наиболее лаконичным образом определена Константинопольским Патриархом Варфоломеем в начале сентября 2015 года во время очередного Синаксиста по подготовке Всеправославного Собора 2016 года: «Будет упущением не упомянуть трудности, с которыми мы столкнулись при подготовке Всеправославного Собора. Наиболее серьезные из этих проблем проистекают из того факта, что многие местные Православные Церкви, к сожалению, были поглощены духом национализма и иногда даже прямой ересью этнофилетизма, которая превращает Церковь в слугу политических амбиций государства. Так, некоторые из наших сестринских Православных Церквей, которые сохраняют близкие отношения со своими правительствами и используют их значительную финансовую поддержку, пытаются всеми доступными способами, включая запланированный Всеправославный Собор, продвигать политические, по сути, интересы и планы, тем самым создавая раскол внутри православного сообщества» [12].

### **Греко-болгарский церковный конфликт**

Русский философ Н.А. Бердяев охарактеризовал греко-болгарские противоречия XIX столетия следующими словами: «Сущность этой распри заключается в том, что болгары, зависящие в церковном отношении от греческого патриарха в Константинополе, захотели самостоятельности и отделились от патриарха» [1, с. 65]. Тогда большая часть российских наблюдателей церковного конфликта встала на сторону болгар. По свидетельству К.Н. Леонтьева, «кто же у нас не рвал и не метал за «братьев-славян» и против греков?» [7, с. 448].

Церковный конфликт между греками и болгарскими с особой силой обозначился после Крымской войны 1853-1855 гг., и первоначально выражался «в стремлении болгар освободиться от иерархической подчиненности грекам и в усилиях последних удержать за собою иерархическую власть над болгарскими. Следовательно, на первых порах греко-болгарская распря имела, по-видимому, чисто церковный характер. Этот же характер она удерживала и в последующее время и остановилась на объявлении Цареградскою патриархиею болгар

схизматиками и отлучении их от Церкви в 1872 году. Но, со времени политического освобождения болгарского народа и образования болгарского княжества и восточной Румелии, церковный характер греко-болгарской распри начинает мало-помалу стусшеываться и из-за него выдвигается политическая сторона этой распри» [13, с. 1]. Греки, как имеющие «status in statu» (государство в государстве – свою Церковь в Турции), вытеснили, не имеющих никаких прав и никакой Церкви, болгар окончательно, к тому же лишив их вообще церковного общения, объявив схизматиками.

### *1. Болгарское возрождение и национальная борьба*

Уже в начале XIX века проявились элементы церковно-национальной борьбы. В 1820 г. в городе Враце злоупотребления епископа-грека Мефодия побудили врачанских жителей отказаться от уплаты ему «владычнины». Во главе движения стал местный купец (не священник и не клирик) Д.Х. Тошев, желавший заменить Мефодия епископом-болгарином. Борьба затихла лишь после того, как Тошов, по проискам греков, был схвачен и вывезен из Врацы [14, с. 225]. В эти же десятилетия в Болгарии начинают открываться школы, печататься книги. Церковно-национальные деятели настойчивее доказывают право болгар на восстановление автокефалии своей Церкви, даже в ранге патриархата, на том историческом основании, что получение этого права они добились еще в X веке, что почти восемь веков просуществовала независимая Болгарская Церковь в Охриде и проч.

Важным моментом в истории греко-болгарского церковного конфликта явились события 1840 г. Паства Тырновской епархии, доведенная до крайнего состояния насилием местного митрополита-грека Панарета, – человека грубого, необразованного, в прошлом циркового борца, – обратилась в Константинополь с просьбой о его удалении из Тырнова. Турецкое правительство поддержало эту просьбу. В связи с этим представители тырновской паствы предложили на вакантное место одного из поборников болгарского возрождения – архимандрита Хилендарского монастыря Неофита Бозвели. Хотя турецкое правительство не возражало против этой кандидатуры, патриархия сумела

добиться назначения на митрополию грека, по имени также Неофит. Архимандрит Бозвели был определен при нем лишь в чине протосингела, а вскоре, интригами своего митрополита, был сослан на трехлетний срок на Афон. Отбыв ссылку, архимандрит Неофит Бозвели не прекратил своей церковно-национальной деятельности. Вернувшись в Константинополь, он сблизился здесь с постриженником Хилендарской обители Иларионом Стояновичем. Образовавшаяся в Константинополе большая «болгарская православная община, – свидетельствует проф. И. Н. Шабатин, – поручила оо. Илариону и Неофиту ходатайствовать ... об открытии в Константинополе болгарского приходского храма», а также «о направлении в епархии, населенные болгарами, архиереев болгарской национальности». По приказанию Патриарха оба ходатая были высланы «в Хилендар в монастырскую тюрьму. Неофит там и скончался, Илариону же удалось, благодаря энергичной защите русского правительства, выйти на свободу. В октябре 1849 г. в турецкой столице была освящена болгарская церковь, в которой Патриарх разрешил служить и проповедовать на славянском и болгарском языках. Вскоре церковь эта стала центром болгарского национально-освободительного движения. В 1858 г. для этой церкви был поставлен специальный архиерей Иларион (Стоянович) с титулом епископа Макариопольского» [21, с. 7].

Возле болгарской церкви святого архидиакона Стефана в Константинополе (в 90-е годы XIX столетия церковь была перестроена в виде железной конструкции) проходили демонстрации. Основная проповедь болгар сводилась к тому, что «болгары не столько терпят от турок, сколько от своих пастырей-фанариотов» [6, с. 87]. Главной же целью болгарского возрождения сделалась борьба с фанариотским духовенством, сопровождавшаяся иногда драками, варварством и даже убийствами [6, с. 83]. По местам были совершены издевательства над греческими иерархами. В качестве зачинщиков часто выступала болгарская молодежь, подстрекаемая разного рода "народными учителями". В конце пятидесятых годов XIX столетия наряду с требованиями

церковной независимости, болгары выдвигали и политические требования – предоставление автономии и признание болгар самостоятельным народом.

## *2. Записка архимандрита Петра (Троицкого)*

Некоторые так называемые "антиболгарские выступления греков" умышленно фальсифицировались болгарской стороной. Единичные случаи сжигания славянских рукописей и препятствия совершать болгарам службу на родном языке со стороны греческого духовенства – часто подавались болгарскими как вопиющее беззаконие греческой иерархии. Между тем, 8 ноября 1858 года настоятель русской посольской церкви в Константинополе архимандрит Петр (Троицкий) официально сообщал обер-прокурору Священного синода, графу А. П. Толстому: «Вся Болгария, за исключением некоторых пяти или не более семи из 50-ти епархий, в Македонии, читает и слушает слово Божие и не украдкой на церковно-славянском... Откуда же родилась мысль, что греки препятствуют болгарам совершать службу на славянском языке? Из фальшивых доносов частных лиц, которые, злоупотребляя доверенностью, любят возводить частные случаи к общему правилу» [11, с. 277].

Причину того, что болгары не имеют должного уважения к греческим архиереям, о. Петр видел: 1) в том, что нет в Болгарии, как и вообще на востоке, духовного сословия, и потому особенного приготовления юношества к духовным должностям; 2) в странном характере народа, по которому житейские выгоды предпочитают самой главной потребностью духа: болгарин в образовании ищет сведений, нужных для светского человека, и знанием французского языка дорожит несравненно более, чем всякою духовною мудростью; болгарин образованный не примет на себя духовного звания, потому что не видит в том особенных выгод, и притворно боится воображаемых неприятностей жизни, и в звании учителя, при поразительной необразованности народа, любит себя, как особою с почетом, влиянием и голосом; 3) в четырехвековом рабстве, которым в понятии народа сглажены истинные отличия, украшающие душу и жизнь человека, и 4) вообще в дурной

администрации властей духовных [11, с. 278-279].

Сообщение архимандрита Петра поразило своею неожиданностью обер-прокурора Синода графа А.П. Толстого, который не мог усвоить себе мысли, что не греки обижают болгар, а чуть ли не наоборот. В дополнение на эту же тему приведем известное высказывание К.Н. Леонтьева: «У болгар нет своего государства, нет официально признанного центра национальной ответственности; нет столицы, нет своих высших училищ, как у сербов и греков; газеты их бедны, малы, непрочны, миру неизвестны... Все, что они делают, поэтому темно, загадочно, обществу нашему мало понятно; они представляются, естественно, во всем жертвами, угнетенными забитыми. Они безответственны государственно и пред нами, и пред Европой» [7, с. 84-85].

### *3. Константинопольский Собор 1858 года и его последствия*

На Константинопольском Поместном Соборе 1858 года болгарские представители выдвинули следующие требования: 1) избрание архиереев в епархиях, на местах; 2) знание архиереями языка того населения, где они будут совершать служение; 3) установление им жалованья [10, с. 107]. Но когда и эти требования были отклонены греческим духовенством, епископы болгарского происхождения решили сами провозгласить свою церковную независимость. События 1860 года привели к разрыву Константинопольской Патриархии и Болгарской Церкви, которая, начиная с того момента, противопоставила себя Вселенской Церкви [9, с. 166].

Стремительное движение болгар к церковной независимости вынудило Патриарха Кирилла VII (1855–1860) подать в отставку. При Кирилле VII, как пишет исследователь Константинопольской Патриархии, «получил жгучий интерес и вопрос болгарский, осложнивший и без того тяжелое положение Вселенского Патриарха. В епархиях со смешанным населением (Адрианонопольской, Филиппопольской, Дристрской) возникли бесконечные споры греков и болгар о чтении и пении за богослужением, о праве пользоваться тою или другою церковью, о рукоположении низшего духовенства и архиереев из болгар и т.п. Патриарх по возможности примирял

эти разногласия, позволял петь за богослужением на одном клиросе по-гречески, а на другом – по-болгарски, хиротонисал несколько архиереев из болгар. Одновременно он проводил сбор пожертвований на постройку болгарского храма святого Стефана на Фанаре, о чем и уведомил особым посланием (12 июня 1859 г.) духовенство и народ в Молдавии, Валахии, Македонии и Фракии. Кроме того, в июне 1857 г. Патриарх обратился с посланием к архиереям Болгарии, Боснии, Македонии и Фракии относительно сбора пожертвований на печатание славянских богослужебных книг, извещая их, что это дело Церковью возложено на экзарха Александра. В августе 1859 г. он повторил это воззвание. Тем не менее, 28 марта 1860 г. болгары подали Порте прошение об отделении их в церковном отношении от Вселенского Патриархата, а 3 апреля того же года, в день Воскресения Христова, Макариупольский епископ Иларион, за Литургией помянул, вместо Патриарха, «всякое православное епископство», чем формально и объявил свою независимость от Патриарха и церковную автокефальность болгар в Константинополе. Примеру Илариона последовали епископы – Авксентий Диррахийский и Паисий Филиппольский [16, с. 574].

Преемник Кирилла Иоаким II (1860-1863; повторно 1873-1878), видя нарастание движения, незамедлительно в 1861 г. созвал в Константинополе еще один Поместный Собор, на котором было определено низложить епископа Илариона Макариопольского и митрополитов Авксентия Велесского и Паисия Пловдивского и отправить их в ссылку. Такое определение Собора еще сильнее озлобило болгарскую сторону. Предвидя тяжелые осложнения в дальнейшем развитии событий, Патриарх Иоаким счел необходимым сделать некоторые уступки болгарам. В распространенном после Собора послании он торжественно пообещал направить в епархии, населенные болгарами, архиереев болгарской национальности или непременно знающих болгарский язык. Богослужение в этих храмах разрешалось совершать на славянском языке.

Несмотря на уступки со стороны Патриархии, болгарские церковные деятели выдвинули перед Турецким Правительством новые требования, а именно: разрешить болгарам участвовать в избрании Патриарха на равных правах с греками; ввести в состав Константинопольского Синода шесть архиереев болгарской национальности; предоставить право болгарам самим избирать архиереев для родных епархий. В ответ на это Правительство назначило смешанную греко-болгарскую комиссию, которая должна была рассмотреть требования, выдвинутые болгарскими. Однако члены комиссии к соглашению не пришли, что вызвало еще большее недовольство сторон [14, с. 257-258]. При ближайшем преемнике Иоакима II, Патриархе Софронии III (1863-1866) между греками и болгарскими не только не последовало какого-либо соглашения, но обе стороны еще больше разошлись [16, с. 595].

В эти же годы известный русский богослов и ученый, церковный историк протоиерей А.В. Горский едва не оказался в Константинополе в качестве агента по умиротворению греко-болгарского церковного конфликта. Командирование Горского на Православный Восток было отменено митрополитом Филаретом (Дроздовым) [8, с. 167-168].

#### *4. Дипломатическое донесение о случае перехода в ислам*

4 июля 1865 г. российскому послу в Константинополе графу Игнатьеву поступило одно интересное письмо от агентуры вице-консульства в Битоле. В письме описывался случай перехода в ислам священника из монастыря Джурджи Преспонской епархии. Священник Папа Григорий (в мусульманстве Ибрагим Эфенди) перешел в ислам вследствие преследований турецких властей, так и со стороны Преспонского митрополита Мелетия. Ибрагим Эфенди (Папа Григорий) раскаивался в своем поступке, объясняя побудивший его повод к измене отцовской вере единственно жестокими и несправедливыми преследованиями преосвященного Мелетия. Бывший православный священник считал невозможным возвращение в Православие ни в Битоле, ни даже в Константинополе. Отправление же его вместе с женою в Россию для того,

чтобы снова сделаться христианином, он считал величайшим для себя благодеянием [2, с. 122].

В 1851 году Папу Григория (в то время иподиакона) бывший Преспонский митрополит Дионисий посвятил в диаконы. Несколько лет спустя посвятили его в священника, послали в монастырь и продали ему приход за 8 тысяч турецких пиастров (80 лир), предоставляя право пожизненного пользования. Папа Григорий провел в монастыре 5 лет. «Когда Дионисий был переведен в другую епархию, то поступивший на его место нынешний Преспонский антихрист Мелетий, начал грабить для собственного обогащения монастыри и священников вверенной ему епархии и тогда же потребовал и с нашего монастыря 2000 пиастров». Владыка Мелетий стал искать подходящего случая, чтобы отнять у Папы Григория приход и передать другому. «Узнавши о таком намерении митрополита, – пишет Папа Григорий, – я обратился к старшинам и объяснил им дело. Старшины воспрепятствовали митрополиту в исполнении его замыслов против меня, за что митрополит стал мне льстить, – и я был им удален из монастыря и лишен всего моего достояния, собранного на протяжении многих лет. После чего я должен был жить одними только доходами с моего прихода, где я выстроил себе дом» [2, с. 123].

«В одно воскресенье, – продолжает свое повествование Папа Григорий, – окончив утреню, я начинал обедню, как вдруг явился в церковь кавас митрополита с одним священником-предателем, которые не дав мне кончить литургию, схватили меня, связали и отвели в Крушево к Мелетию, где я тотчас же был посажен в тюрьму». Прихожане освободили своего священника из тюрьмы. «Во время моего отсутствия один из епитропов по неведению бросил Св. Дары в лохань для омовения рук. За этот грех, да ответит владыка на том свете». Священник был отпущен из тюрьмы, но по наветам митрополита посажен в госпиталь. «После чего прихожане мои пришли к митрополиту и умоляли его умерить свой гнев, но он отвергнул их просьбу, и заметил, что только тогда оставит меня в покое, когда я приму мусульманство. Узнав об этом намерении митрополита, я убежал из госпиталя в Крушево. Митрополит

тем временем донес на меня паше, будто бы я писал возмутительные листки к окрестным жителям, – почему я был схвачен турецкими властями и посажен в темницу, где прострадал целый месяц во имя Христа, совершенно не зная за собою ни какого проступка. Однажды пришел ко мне в темницу какой-то человек и объявил, что я обвинен владыкою, как возмутитель и потому жизнь моя в опасности. Это известие поразило меня до того, что я совершенно пал духом, и с отчаянием о моей жизни, мне пришла грешная мысль изменить моей вере и тем спастись от преследований и гонений митрополита, которому да заплатит Бог в будущей жизни, а мне да простит, по словам Св. Евангелия, в которые я верю, – что Господь наш Иисус Христос пришел не спасать праведных, а призвать грешных к покаянию. И я, как мытарь, молю Господа Иисуса Христа слезно, день и ночь о прощении и принятии меня снова в Свое стадо» [2, с. 124].

В дополнение к этой истории стоит отметить, что в те годы отношения между православными и мусульманами были крайне напряженными. Например, в перечне убийств и насилий, случившихся в Румелийском вилайете в продолжение восьми месяцев (с января по сентябрь 1865 года), из тридцати двух преступлений тридцать были совершены мусульманами против христиан. И только два преступления (убийства), в которых мусульманин обвинялся в убийстве мусульманина [2, с. 124].

##### *5. Позиция Патриарха Григория VI (1867–1871) и мнение Г.И. Филиппова*

В начале своего второго патриаршества еще до появления султанского указа (фирмана) 1870 года Григорий VI искал случая примириться с болгарами [18]. Был даже составлен специальный проект, состоящий из 19 пунктов. По мнению российской стороны, «явное превосходство этого проекта перед всеми проектами, которые изготовлялись в многочисленных комиссиях прежнего времени не только греческими членами тех комиссий, но и представителями болгарского народа, состоит, во-первых, в важности и искренности предложенных в нем болгарской стороне уступок; во-вторых, в совершенном согласии всех статей этого проекта с священными правилами Церкви, и, в-

третьих, в самом способе решения вопроса» [2, с. 124-125]. В поданном Турецкому Правительству проекте Патриарх Григорий соглашался выделить несколько болгарских епархий в отдельный округ, который бы управлялся собором собственных (болгарских) епископов под председательством экзарха, остающегося в зависимости от Константинопольского Престола. Новые предложения Патриарха Григория, как и прежние Патриарха Иоакима, не удовлетворили болгар, они продолжали считать, что зависимость от Патриархии по проекту слишком большая, а уступаемая им церковная область слишком малая, не охватывающая всех болгарских поселений.

Церковный проект Патриарха Григория нашел сочувствие и поддержку у некоторых русских общественных деятелей. В начале семидесятых годов специалист по церковным вопросам Тертый Иванович Филиппов составил записку о путях примирения с болгарам. Записка основана на пяти пунктах:

1. Послать в Болгарию благочестивых и скромных мирян в качестве поклонников, «чтобы они старались своими убеждениями склонять недовольных (болгар – *V. V.*) к миру».

2. Помогать грекам образовывать болгар. При этом нужно и самих греков привлечь к себе. «Если мы желаем, чтобы Константинопольский Патриарх действовал в отношении к нам искренно и по нашим убеждениям: то должны сами быть искренни в отношении к нему». Предлагается через первенствующего митрополита России вести переписку с греческим Патриархом и иметь еще устные сношения посредством избранных ими епископов или архимандритов. «Союз Церквей тогда одушевился бы, многие предметы уяснились бы, и обо всех таковых сношениях доводимо было бы постоянно до Высочайшего сведения Его Императорского Величества, как защитника и покровителя Святой Православной Церкви».

3. Ходатайствовать о нуждах Патриарха и всей Православной Церкви на Востоке пред Оттоманским Правительством. Помогать Патриархии решить проблему с огромными долгами, «очевидно образовавшимися от незаконных налогов корыстолюбивого Турецкого Правительства».

4. Борьба с папистской пропагандой. «Стараться восстановить в общественном мнении греческую иерархию, указывая на ее заслуги и достоинства».

5. Быть для болгар и греков «их братьями благодетелями, и своими сокровищами удовлетворять столь справедливым и вопиющим их нуждам, в которые вовлечены они своими жестокими, полутысячелетним и притеснителями... И чтобы не возникло между двумя нациями, то есть греками и болгарями, что-либо похожее на чувство зависти, мы должны равную долю добра делать, в одно и то же время, для тех и других».

Отдать предпочтение только «нашим единокровным братьям-славянам» и допустить нарушение прав Великой Церкви, по мнению Т.И. Филиппова, являлось опасной акцией. Подобные действия могли повлечь между Россией и Греческой Церковью раздор, «давно желаемый нашими врагами» [2, с. 126-127].

Прогноз Т.И. Филиппова оказался верным. После объявления болгарской схизмы на Константинопольском Соборе 1872 г., могла бы последовать и русская схизма [5, с. 10-11], но, побоявшись последствий, греки поумерили пыл. Константинопольская Патриархия («и вообще греки») при решении болгарского вопроса руководилась не только церковными соображениями, но и материальными расчетами с узконациональной мотивацией. Часто в своих действиях демонстрируя тот же этнофилетизм только уже греческого образца.

Действенной мерой, способной утишить пожар в период наибольшего развития греко-болгарской распри (1858-1872), могло бы стать признание полной независимости Болгарской Церкви с самостоятельным митрополитом во главе, находящимся только в номинальной зависимости от Патриарха и принимающим от него лишь святое миро. Об этом несколько раз в те годы заявлял митрополит Филарет (Дроздов) [15, с. 318, 199-200, 123-124, 203-204, 320]. К мнению московского архипастыря конфликтующие стороны не прислушались. С другой стороны, ожесточение болгар слишком усилилось.

**Список литературы:**

1. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // К.Н. Леонтьев: pro et contra. В 2-х кн. СПб., 1995. Кн. 2..
2. Венедиктов В. Россия и Константинопольский Патриархат. Этноконфессиональный диалог России и Константинопольского Патриархата во второй половине XIX века. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011.
3. Венедиктов В.Ю. Украинский этнофилетизм. К вопросу о церковных конфликтах // Политический класс. 2006. № 4 (16).
4. Герд Л.А. Россия и греко-болгарский церковный вопрос в 80-90-е годы XIX века // Религии мира: История и современность. М., 2004.
5. Дмитриевский А.А. Граф Н.П. Игнатъев как церковно-политический деятель на православном востоке (По неизданным письмам его к начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. архимандриту Антонину Капустину). Спб., 1909.
6. Курганов Ф. Исторический очерк греко-болгарской распри. // Православный собеседник. 1873. № 1.
7. Леонтьев К.Н. Записка отшельника (1887 г.) // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). М., 1996.
8. Мельков А.С. Исполн знания: жизнеописание протоиерея А.В. Горского. М., 2012.
9. Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в. М., 1970.
10. Ников П., проф. Възраждане на българския народ. Църковно-национални борби и постижения. София, 1971.
11. П-в Н. Взгляд очевидца на греко-болгарскую распрю // Исторический вестник. 1886. № 8.

12. Перчин Л.Н. Москве приписали вселенский размах [Электронный ресурс] // Независимая газета (НГ-религии). 16.09.15. URL: <http://goo.gl/WcNrnH> (дата обращения: 10.06.2016).
13. Петров Н.И. Начало греко-болгарской распри и возрождения болгарской народности. Киев, 1886.
14. Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей: В 2 т. М., 1994. Т. 1.
15. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по делам православной церкви на Востоке. СПб., 1886.
16. Соколов И.И. Константинопольская церковь в XIX веке. СПб., 1904. Т. 1.
17. Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М., 2004.
18. Филиппов Т. Вселенский патриарх Григорий VI и греко-болгарская церковная распря. СПб., 1870.
19. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.
20. Хориков И.П., Малеев М.Г. Новогреческо-русский словарь: Около 67000 слов / Под ред. П. Пердикиса и Т. Пападопулоса. М.: Русский язык, 1980.
21. Шабатин И.Н. История балканских церквей. МДА. Троице-Сергиева Лавра, 1966. Машинопись.

**Сведения об авторе:**

Венедиктов Вадим Юрьевич – кандидат исторических наук, член Научно-экспертного совета Института современных гуманитарных исследований (Москва, Россия).

**Data about the author:**

Venediktov Vadim Yuriyevich – Candidate of Historical Sciences, member of Scientific Expert Council, Institute of Modern Humanitarian Researches (Moscow, Russia).

**E-mail:** [benedictus@list.ru](mailto:benedictus@list.ru).